

Тишина внизу, где раньше царил шум, уже сменилась полным безмолвием. Цышэн, ориентируясь на свои внутренние биологические часы, понял, что время уже позднее. Он осторожно поднялся, прошел через комнату и, подойдя к окну, выглянул в сад.

Его клонило в сон, но, поскольку при дежурстве у гроба спать было нельзя, он изо всех сил растер щеки и, не отрывая взгляда от двора, принялся слегка похлопывать себя по лицу, чтобы взбодриться.

Что-то было не так.

Когда они с Лу Яньянь и остальными только пришли, у входа в дом семьи Сяо повсюду висели белые погребальные полотна, а вокруг источали густой аромат белые цветы — всё вокруг дышало мрачной атмосферой похорон.

Но сейчас, возможно, из-за красного света задних фонарей чьего-то автомобиля или чего-то еще, весь двор окрасился в алый цвет. Этот красный казался пугающе ярким, ослепляющим, смешанным с чернотой, скрытой в тенях, и въедался в сознание, словно клеймо.

На что было похоже это зрелище?

Оно казалось до боли знакомым, и в то же время невозможным.

Цышэн покачал головой. Если всё обстоит именно так, как он подумал, то это слишком странно.

На самом деле, сомнения уже давно терзали его. В конце концов, никто не устраивает поминальный зал в спальне. Особенно такая влиятельная семья, как Сяо — они могли бы без проблем выделить место хотя бы в заднем саду. Но семья Сяо поступила иначе.

Ранее, когда тот парень ушел и Цышэн остался в спальне-усыпальнице один, он внимательно осмотрел гроб. Неизвестно, из какого материала он был сделан, но выглядел необычайно изысканно и архаично. Темные узоры переплетались с золотыми нитями.

Он про себя восхитился тем, с какой роскошью богачи относятся даже к гробам, вежливо отвел взгляд и тихо уселся у входа.

Просидев на одном месте несколько часов, Цышэн почувствовал, что больше не может — его хрупкое тело затекло от долгого сидения, поэтому он и встал, чтобы немного размяться.

В сердце зародилось странное чувство диссонанса, которое невозможно было выразить словами.

Цышэн вздохнул, отгоняя бесцельные мысли. Возвращаясь от окна, он случайно задержал

взгляд на человеке в гробу.

Он выглядел точно так же, как на фотографии — нет, даже более мрачно и красиво. Казалось, небеса были к нему особенно благосклонны: даже после смерти молодой господин семьи Сяо сохранил глубокие черты лица и естественный цвет губ. Если не считать бледности, он почти не отличался от живого человека.

Видя, как этот мужчина спокойно покоемся в гробу, легко было поймать себя на мысли: а не жив ли он? Цышэн не стал исключением. Испытывая жалость и сожаление, он не удержался и сделал шаг вперед, чтобы рассмотреть его получше.

Даже волосы мужчины были мягкими и чистыми, от них, казалось, исходил едва уловимый аромат. Воротник рубашки был застегнут безупречно, выступающий кадык выглядел пугающе сексуально, а ниже открывался вид на широкую, крепкую грудь.

Цышэн даже немного помедлил. Присмотревшись пару секунд и убедившись, что грудная клетка не вздымается, он со смешанными чувствами опустил взгляд ниже...

Молодые люди не носят погребальных саванов, поэтому на господине был надет костюм настолько дорогого бренда, что Цышэн даже не смог его определить. Ткань жилета была идеально отглажена, но в области живота что-то было не так.

Одна пуговица посередине была расстегнута.

Обычно, для удобства или красоты, последнюю пуговицу жилета не застегивают, но чтобы была расстегнута средняя — это ведь неправильно? Неужели те, кто одевал господина Сяо, были настолько небрежны, что не проверили даже такую мелочь?

Помоги ему.

Как только эта мысль возникла, разум Цышэна словно окутал туман. Он почти не раздумывал — рука сама потянулась, чтобы застегнуть пуговицу.

Он уже было протянул пальцы, но тут же отдернул их, словно от удара током.

Сознание на мгновение прояснилось. Он заколебался: стоит ли ему вмешиваться? Но если он не обратит на это внимания, господин так и уйдет в неопрятном виде...

Голос в голове, только что подстрекавший его, зазвучал снова:

Помоги ему, ничего страшного.

На этот раз голос звучал еще более вкрадчиво, полностью завладев вниманием Цышэна.

Прошептав про себя извинения за беспокойство, Цышэн протянул руку. Его тонкие белые пальцы с едва заметными голубоватыми венами отчетливо выделялись на фоне темного костюма. Он действовал очень нежно.

Цышэн застегнул пуговицу и отстранился.

Однако из-за специфической формы гроба, когда он отдергивал руку, он случайно задел край, и его теплая кожа соприкоснулась с ледяным, как лед, запястьем мужчины.

— Ой! — Цышэн вздрогнул.

Он хотел поскорее отпрянуть, но почувствовал, что теряет равновесие. Он не осознал, что это запястье в гробу внезапно схватило его за ладонь — он лишь подумал, что от страха случайно ухватился за что-то, чтобы не упасть.

Зачем же я схватил его за руку, пока застегивал пуговицу? — Цышэн мысленно выругал себя за неуклюжесть. Но когда он попытался осторожно высвободить ладонь, то вдруг обнаружил, что человек, который только что лежал неподвижно, начал подниматься, следуя за движением его руки!

В голове промелькнуло слово оживший мертвец. Это было до дрожи жутко.

Цышэн постарался сохранить самообладание. Он закусил губу и посмотрел на господина Сяо: казалось, тот поднялся лишь потому, что Цышэн его потянул. Ведь глаза мужчины по-прежнему были закрыты, а грудь не двигалась.

Говорят, мертвецы тяжелые как камень, а Цышэн, будучи болезненным и хрупким юношей, вряд ли смог бы поднять взрослого мужчину. Но он не успел об этом подумать: с бешено колотящимся сердцем он протянул вторую руку, придержал приподнявшуюся половину тела мужчины и, встав на цыпочки, осторожно уложил его обратно.

Цышэн затаил дыхание и выдохнул, только когда закончил. От мужчины не исходило никакого жуткого трупного запаха — напротив, от него веяло лишь тонким, архаичным ароматом сандала и благовоний.

<http://bllate.org/book/22196/2313445>